

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №6 01/06/2012– www.afficha.info

Французские фильмы конкурса.

Екатерина Богопольская

Holly motors Леоса Каракса.

Holly motors, дословно, священные моторы – заглавие многозначное. Во-первых, так называется загадочная компания, где оставляют на ночь мистические лимузины, колющиеся по Парижу в фильме Каракса. Но это станет ясно только к концу фильма. Второй смысл Каракс сам объяснил на пресс-конференции - «фильм назван Holly motors, потому что во всех нас есть эти чертовские моторы - в человеке, животных, в машинах. Вообще, обожаю выражение «Мотор!» А теперь мир становится все более виртуальным».

Сюжет? Ну, допустим, один день из существования загадочного мсье Оскара-Дени Лавана, который путешествует по Парижу и в то же время по разным жизням в том самом белом лимузине. За рулем - немолодая величественная блондинка, Эдит Скоб. Вообще же, фильм Каракса, как произведение искусства, как созерцание прекрасного самого по себе, его сложно разложить на цветовую гамму сюжетных линий. Тем, кто непременно ищет смысл и линейный сюжет, вряд ли стоит смотреть *Holly motors*. Фильм был придуман специально для виртуозного актера Дени Лавана, и без него существовать не смог бы. Откровенный лицедей, Лаван примеряет на себя 11 ролей фильма с легкостью фокусника. Кто же он? Все и никто, если перефразировать фразу из Борхеса, взятую Караксом в качестве эпиграфа фильма: «Голос Господа

отвечал ему из вихря: «Я тоже не я; Я выдумал этот мир, как ты свои созидания, мой Шекспир, и один из призраков моего сна-ты, подобный мне, который суть все и никто». Борхес «Все и Никто» («Everything and nothing»)

Лимузин внутри похож на актерскую ложу, наполненную гримом и аксессуарами для каждого нового перевоплощения Оскара - миллионер-бизнесмен, старуха нищая на Новом мосту, гротескный монстр, мсье Дерьмо, вылезаящий из канализационного люка на кладбище Пер-Лашез, чтобы прямо во время сеанса похитить фотомодель, Еву Мендес. Еще он-статист, обвешанный датчиками движения в павильоне для сцен с компьютерной графикой встречается с такой же кибермашиной, только женского пола: на мониторе они превращаются в монстров завораживающего эротического ритуала. И так далее - абсурдистские скетчи, сюрреалистические фантазии, мелодрама, мюзикл.

Конечно, это не всерьез, конечно, Каракса вовсе не забавляла идея жизни как смены масок, игры, здесь скорее карнавальная ахинея, жизнь как парад розыгрышей, перевертышей, когда никогда неясно, кто жертва, а кто убийца. Как точно заметил обозреватель «Ведомостей», «Призраки разных фильмов и жанров, натянув очередную маску Дени Лавана, на несколько минут запрыгивают в сюжет, чтобы устроить что-нибудь несусветное и снова убежать». Можно сказать, что действие разворачивается не линейно, а на очередном повороте парижской улицы всякий раз выскакивает из лимузина, как черт из табакерки. География Парижа активно участвует в этом фильме. Но и история кино. Картина насыщена отсылками к другим фильмам, самого Каракса, но не только. Если моторы, механика, то механика фильма устроена так, словно мы, зрители, оказываемся внутри большого поля культуры. Сцены, снятые в пустом здании магазина «Samaritaine», напоминают о «Любовниках Нового моста», а героиня австралийской певицы Кили Милог - Джон Сиберг из годаровского «Последнего дыхания», и все фильмы Жака Деми.

Леос Каракс.

В финале Эдит Скоб наденет маску, отсылающую к знаменитому фильму «Глаза без лица» Жоржа Франжу, в котором она снималась в юности. Примеров - множество, внутри фильма Каракса словно запрятана сюрреалистическая игра с нашим восприятием, воображением. Такое соавторство зрителя особенно забавно, если учесть, что фильм начинается со своеобразной увертюры, в которой сам Каракс оказывается в кинозале, где зрители сидят с закрытыми глазами.

На титрах можно прочитать надпись по-русски «Катя, тебе» - это посвящение жене режиссера, актрисе Катерине Голубевой, трагически погибшей в прошлом году.
Holly motors выходит на французские экраны 4 июля.

Ален Рене «Вы еще ни чего не видели»(Vous n'avez encore rien vu).

Картина Рене для меня – одно из редких потрясений этого фестиваля. Конечно, в ней много театральности, но все равно это настоящее блистательное кино. Рене всегда снимал странные фильмы – отчего же ему меняться к концу жизни?

Для сценария «Вы еще ничего не видели» он взял канву одной из последних пьес Ануя, «Дорогой Антуан»(1969), в центре которой загадочная смерть известного драматурга, поставившего нотариусу условие для чтения завещания - собрать в его замке всех его друзей и всех женщин, которые он любил на протяжении своей жизни, и вставил в нее другую пьесу того же Ануя, «Эвридику»(1941). Несмотря на почтенный возраст, почти 90 лет, Ален Рене продолжает экспериментировать с формой. После смерти драматурга Антуана д'Антака, нотариус, по завещанию последнего, собирает в его замке актеров разных поколений, некогда сыгравших в его пьесе «Эвридика», чтобы показать им снятые на камеру репетиции новой постановки силами молодой театральной труппы. Под воздействием эмоции и воспоминаний, собравшиеся актеры в свою очередь принимают играть свои роли. Три состава - три возраста, три стиля. И единая бесконечная вариация любовной страсти, любовной тоски. Фильм таким образом представляет собой чередование новой постановки «Эвридики» (миф об Орфее, перенесенный в современность) с реакциями, которые она вызывает у зрителей-актеров. Фильм Рене - это размышление о кино, театре, актерском искусстве, но также о смерти, о красоте и уродстве, о любви, как высшем проявлении эстетического. Именно поэтому Эвридика, максималистка, как все героини Ануя, бежит от Орфея. Она боится, что проза повседневного существования, пошлость быта убьет красоту их совершенной любви. Вечная любовь возможна только в смерти. Рене вслед за Ануем дарит своим любимым героям это соединение в смерти.

В фильме мы смотрим на актеров, играющих других актеров, наблюдающих театральную пьесу, снятую на видео. На это накладывается еще один сюжет: почти 90-летний Рене собирает любимых актеров своих фильмов, и тех, кем восхищался много лет на театральных подмостках. И называет актёров в фильме их настоящими именами – это Ардити, и Азема, и Ламбер, а не персонажи, приглашены в замок Антуана. Почему? Потому что Рене хотел, чтобы они вспомнили не только роли, но и себя самих. Кто я? Что знаю о себе? Жизнь, совсем по Аную, предстает как тотальная игра, где каждому отведена определенная роль. И еще этот фильм - признание Рене в любви актерам.

Сталкиваются актерские школы, стили, времена. Любовные вариации, разыгранные на разных уровнях, вечная тема. Но какие нюансы. Как странно, как по-разному выражаются чувства. Какая сила, как по-юношески пронзительно играет

любовную тоску почти 70-летний Пьер Ардити и 60-летняя Сабин Азема (особенно поразительно сыгран финал - снятое практически без монтажа объяснение судорожно вцепившихся друг в друга Орфея и Эвридики, тогда как до утра они не должны смотреть друг другу в глаза). Здесь больше тема невозможного диалога душ. Зрелый возраст любви, чистую страсть, воплощают Ламбер Вильсон и Анн Консиньи. И рядом юные максималисты, Вимала Понс и Сильвен Дьеэд в видеоспектакле, заснятом Брюно Подалидесом. Современный, отчужденный стиль контрапунктом оттеняет романтизм старого театра, спектакль видеопостановки играют в минималистской декорации холодного индустриального пространства. Все это напоминало стиль оперы «Страсть» Паскаля Дюзапена и Саши Вальц, в котором смерть Эвридики – необходимое условие страдания Орфея, а значит возможности творить. Мотив уходящего времени очень важен для этого фильма о трех возрастах любви, и на первом плане заснятого на пленку спектакля камера постоянно фиксирует большой золотой маятник Фуко. Иногда разные вариации играют на экране параллельно, как в зеркальном отражении. В роли преследующего Орфея незнакомца, посланника смерти или самого дьявола – загадочный, отчужденный Матье Амальрик. «Смерть прекрасна. Только она создает подлинную атмосферу для любви»,- говорит он Орфею. И тот без колебаний отправляется на встречу со Смертью. Зал ожиданий, где происходит действие первых сцена «Эвридики», комната в дешевом отеле, железнодорожная платформа - Рене постоянно варьирует крупные и дальние планы, компьютерную графику чисто театральные декорации соединяет с правдой актерского существования. Формальная сложность построения усиливает трагический накал любовных вариаций, как когда-то в его первом фильме «Хиросима, любовь моя». Когда на заключительных кадрах возникла мелодия Фрэнка Синатры *It Was A Very Good Year*, зал устроил Рене десятиминутную овацию. Bravo, маэстро!

Картина выходит в прокат во Франции 26 сентября.

Фильм Жака Одиара «Ржавчина и кость», наверное, самый неудачный из трех французских фильмов, участвовавших в конкурсе, и на фоне Рене и Каракса кажется уж каким-то абсолютно коммерческим проектом. История, вольно навеянная прозой американца Крэга Дэвидсона, рассказывает о странном романсе деклассированного бывшего боксера (Матиас Скунарте) и бывшей дрессировщица дельфинов, потерявшей ноги (Марион Котийар). Впрочем, картина уже вышла на французские экраны, так что просто коротко поделюсь своими впечатлениями.

«Ржавчина и кость», на мой взгляд, страдает абсолютной избыточностью, что очень емко выразил мой сосед на пресс-показе, бесконечно повторявший «too much», так подробно и навязчиво смакуются все эпизоды с культяшками Стефани, вплоть до подробных сцен секса. Все забито визуальными и психологическими клише (банальные трафаретные кулачные бои, в которых принимает участие Али, банальное роуд мови одинокого боксера с сыном, убогая среда ид). Единственная удача фильма – Стефани Марион Котийар. Полный человек, Стефани, была, как ни странно,

нереализованна, и только страшно покалеченная, обнаруживает постепенно себя во всей полноте. (Есть несколько потрясающих кадров, когда Стефани-Котийар начинает ходить на протезах с вызовом, не стыдясь, не скрывая своей увечности, а как раз наоборот, из увечности извлекающая какую-то дерзкую, привлекательную силу. Так что у актрисы, в отличие от самого Одиара, были все шансы на Пальму. Жюри Моретти, к своей чести, предпочло ей сильных актрис в сильном фильме.

Фото: Festival de Cannes